

Солокицын
Анатолий
(актёр)

30.08.04

“каждая съемочная группа считала: Толя — наш человек”

Алексей Солоницын — Газете



Анатолий Солоницын в роли Андрея Рублева (кадр из одноименного фильма, 1966 год, Мосфильм)

Фото: ИТАР-ТАСС

Сегодня исполняется 70 лет со дня рождения замечательного актера Анатолия Солоницына. Для нескольких поколений зрителей он остается прежде всего выразителем режиссерских замыслов Тарковского, однако в его актерской биографии — увы, слишком короткой — было немало заметных ролей в театре и кино. Воспоминаниями об Анатолии Солоницыне по просьбе корреспондента Газеты Екатерины Чен поделился младший брат артиста — писатель, кинодокументалист Алексей Солоницын.

Осенью вы будете снимать фильм о судьбе вашего с братом предка, Захара Солоницына, летосища и икономиса XVIII века. История его жизни, выходит, оказала влияние на актерскую судьбу Анатолия Солоницына? Когда Толя решил пробовать в Тарковского на Андрея Рублева, то, что наш пращур был иконописец, сильно его духовно укрепило. А Захар Солоницын написал и историю Ветлужского края, на которую ссылался Карамзин.

Ваша семья тоже из тех мест? Мы родились в городе Богородске, в 60 км от Нижнего Новгорода. Отец — из семьи сельского врача, рано остался в семье за старшего, пошел на завод, теоретически в комсомоле, был в ЧОНе — отряде чрезвычайного назначения. Когда мы что-то там дурили дома, он кулаки насжимал и орал: «Я в 18 лет был председателем завкома, я в ЧОНе был, а вы, идиоты...» — никакая рука на нас не поднимал, но пугал. У нас это всегда оставалось притчей во языцех. Толя любил его потом передразнивать, когда приезжал... Отец стал подписывать — сначала в богородской газете, потом в областской. Очерки у него были очень хорошие. И его взяли в «Известия». Он был романтик, в аппарате не стал сидеть, оставался собственным корреспондентом «Известий» почти всю свою жизнь.

Настоящие имя Анатолия Солоницына — Отто — результат романтических устремлений отца, восхищения подвигами героев-полководцев, был ведь 1934 год? Да, папа назвал своего старшего сына в честь Отто Юльевича Шмидта, исследователя Арктики. Но когда брат стал подра-

стать, то страшно стеснялся своего имени — тем более война с немцами... И сам себе взял имя Анатолий, уж не знаю почему. А в паспорте менять имя не стал, а документах он Отто. Мне даже доводилось слышать, что, дескать, Солоницын тщательно скрывает свое немецкое происхождение.

Как получилось, что его несколько лет не принимали в театральный вуз? Толя три раза поступал в ГИТИС, и трижды его не приняли. Он доходил каждый раз до третьего тура, и там решался вопрос: ну как такого брать? Лысоватый, нос большой, глаза запавшие... какой он артист. В то время было два типа актеров: или герой-любовник типа Панового, или протак вроде Гусева, Харитоновна. Ну кому еще. Вот Миша Кононов, друг Толи, — его без экзаменов приняли. Обаяшка, начальник Чукотки — нужен был. А то, что в русском театре называлось «неврастеник», только в шестидесятые годы оказалось востребованным, когда Смоктуновский пробился. Тогда же и пьес никаких не было, чтобы это играть... Каждый раз, не поступая, он куда-то ехал. Уходил в геологические экспедиции, под Иваново ездил или корчевать, работал на ремонтном заводе. Я переживал за него ужасно, не стал сидеть, оставался собственным корреспондентом «Известий» почти всю свою жизнь.

Куда я уже учился в университете, в Свердловске, там открылась студия при драмтеатре. Дал ему телеграмму, чтобы не медленно приезжал, — и его тут взяли, слава Богу. Студию закончил с отличием. Его учил, в частности, Адольф Алексеевич Ильин, сыновья которого сейчас известные актеры. Володя Ильин — самый востребованный сегодня актер, по-моему.

► стр 08

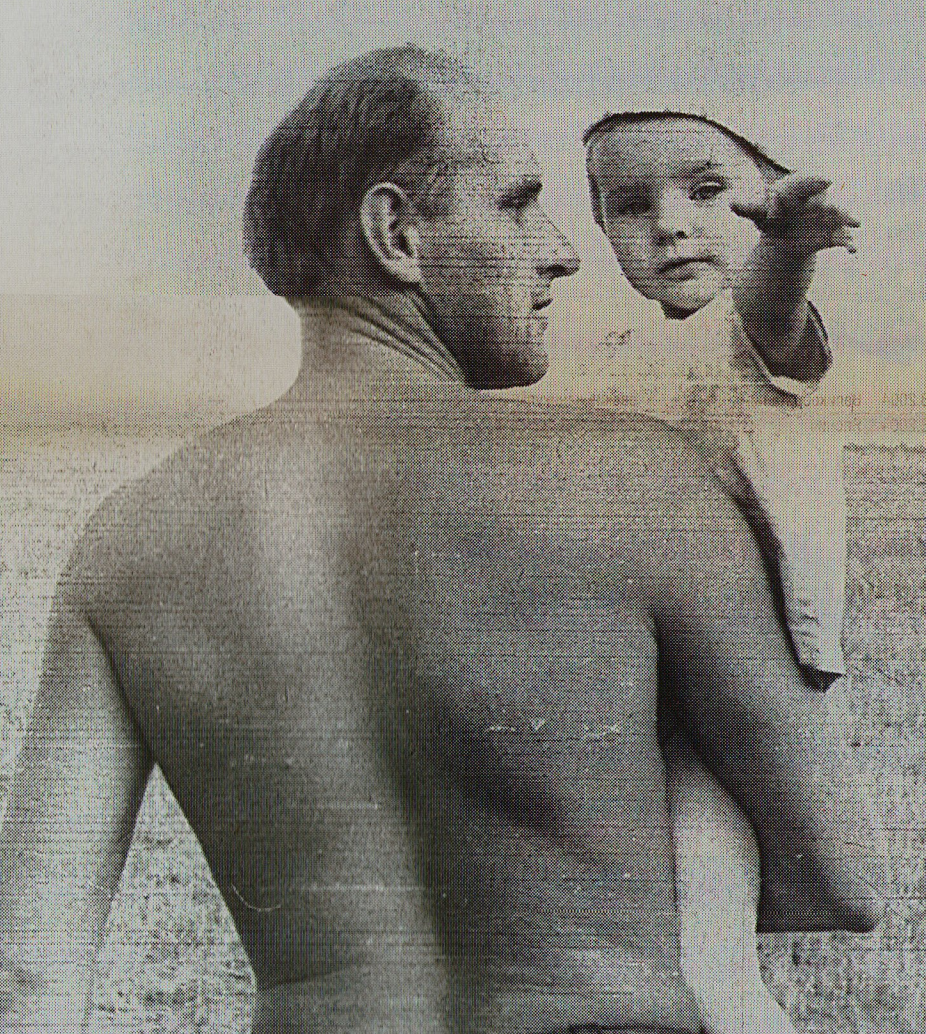
ТАЗЭТА
30 августа, понедельник, 2004, #158 [694]

дата



Анатолий Солоницын на съемках фильма «Один шанс из тысячи», где Андрей Тарковский был соавтором сценария. 1968 год. Фото из архива Ларисы Солоницыной

С дочерью Ларисой. Фото из архива Ларисы Солоницыной



А до «Андрея Рублева» у Анатолия Солоницына был опыт работы в кино? Он снялся на свердловском телевидении у Глеба Панфилова, молодого тогда режисера, в короткометражке «Дело Курта Кляузевица», о войне — как немец попадает в плен. Психологическая роль была достаточно сложная, но Глеб рассказывал, что был поражен, с какой серьезностью и неистовостью Толя взялся за работу.

Панфилов пригласил ведь его потом и на картину «В огне брода нет»? Да, специально написали для него роль комиссара Евдокимова. И вот Толя попросил Глеба узнать, закончились ли пробы у Тарковского. Глеб ему сказал, что пробы еще вроде бы идут. И он поехал. Хотя тогда уже Любшин был практически утверждён на роль. Марина Арсеньевна, сестра Андрея Тарковского, вспоминала, как на проходной «Мосфильма» где-то всегда тусовка, шумно, увидела какого-то странного человека — лысоватого, в черном пальто — и подумала сразу: этот, наверное, приехал к Андрею, на Рублева пробоваться. И точно — зашла в киногруппу, он там сидит. Она не смеяла ничего сказать Андрею, но для себя первая Толю «утвердила». К фильму сделали фотографии. Эта фотография сейчас висит над моим столом. Ко мне приходят священники, духовенство и всегда спрашивают: а кто этот монах? Такая поразительная сосредоточенность, взгляд, погруженный внутрь себя, и есть в этом лице предчувствие ранней смерти, ожидание ухода из этой жизни.

Но утверждение на роль Андрея Рублева далось нелегко? Когда перед реставраторами, знатоками древнерусского искусства, разложили кадры, фотографии разных актеров, они все не соглашались показывать на Толю: вот Андрей Рублев. Говорят, Андрей Тарковский был в смятении: провинциальный артист, очень здорово наигрывает, не понимает, что такое кино. Но — фактура, лицо, глаза! А потом, Тарковского поразило отношение к делу. На вопрос, как же с театром, Толя сказал: уйд из театра, и все. Если играть такую роль, то ничем другим заниматься нельзя. Художник, который тогда всех утверждал, был против. Михаил Ромм говорил: Андрей, ты провалишь фильм, ты с ним кино не сделаешь. Но Андрей Арсеньевич проследил Толю сразу. Начал с самой главной, по-моему, сцены: это финал, когда уже отлит колокол, и Бориска, колокольных дел мастер, плачет, а Рублев утешает его, говорит:

“каждая съемочная группа считала: Толя — наш человек”

Алексей Солоницын — Газете

► стр

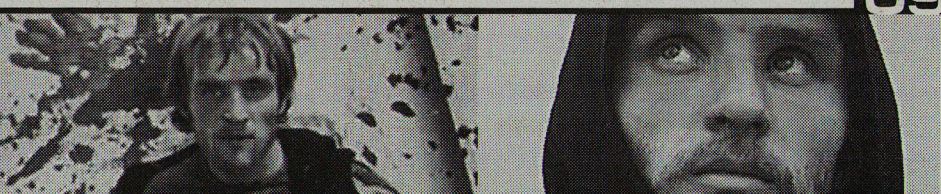
У вас в семье были артисты? Актерская жила у Толи — от мамы, от Ивочкиных. Наш дядя, Николай Ивочкин, был актер, друг Бориса Андреева, а фильме «Мы из Kronstadt» — одна из известных его ролей. Дядя Коля был очень талантливым... в сорок первом году погиб... И мама наша ведь хотела быть актрисой, но ее семья рассудила: он даже думать когда-то из стариков пригласили, но Толя сказал: нет, сделай все сам. Переважал горло шарфом и почти два месяца молчал. И когда Тарковский увидел такую самоотверженность с первых же дней съемок, он понял, что нашел артиста, который ему нужен и из дружбы, творческой и человеческой, продолжался почти 20 лет. И потом уже не было фильма, где у него Анатолий не снимался.

Почему, на ваш взгляд, между режиссером Тарковым и актером Солоницыным сложились такое взаимопонимание? Андрей всегда замечал и в ките своей пьесы, что правильное понимание сути актерского ремесла, сути творчества есть именно у Солоницына. С ним было работать очень легко, он, как губка, как ребенок впитывал все, что ему говорил режиссер, и тут же, импровизируя на площадке, воспроизводил. Один раз, два, три, действуй — сколько требовалось. Никогда не спорил, не лез со своими идеями, не доказывал до тех пор, пока не было сказано «зачем». А потом уже, в зрелые годы, у него были моноспектакли — «Фауст», «Слово о полку Игореве». Сам их ставил и делал это просто прекрасно.

А до «Андрея Рублева» у Анатолия Солоницына был опыт работы в кино? Он снялся на свердловском телевидении у Глеба Панфилова, молодого тогда режисера, в короткометражке «Дело Курта Кляузевица», о войне — как немец попадает в плен. Психологическая роль была достаточно сложная, но Глеб рассказывал, что был поражен, с какой серьезностью и неистовостью Толя взялся за работу.

Панфилов пригласил ведь его потом и на картину «В огне брода нет»? Да, специально написали для него роль комиссара Евдокимова. И вот Толя попросил Глеба узнать, закончились ли пробы у Тарковского. Глеб ему сказал, что пробы еще вроде бы идут. И он поехал. Хотя тогда уже Любшин был практически утверждён на роль. Марина Арсеньевна, сестра Андрея Тарковского, вспоминала, как на проходной «Мосфильма» где-то всегда тусовка, шумно, увидела какого-то странного человека — лысоватого, в черном пальто — и подумала сразу: этот, наверное, приехал к Андрею, на Рублева пробоваться. И точно — зашла в киногруппу, он там сидит. Она не смеяла ничего сказать Андрею, но для себя первая Толю «утвердила». К фильму сделали фотографии. Эта фотография сейчас висит над моим столом. Ко мне приходят священники, духовенство и всегда спрашивают: а кто этот монах? Такая поразительная сосредоточенность, взгляд, погруженный внутрь себя, и есть в этом лице предчувствие ранней смерти, ожидание ухода из этой жизни.

Но утверждение на роль Андрея Рублева далось нелегко? Когда перед реставраторами, знатоками древнерусского искусства, разложили кадры, фотографии разных актеров, они все не соглашались показывать на Толю: вот Андрей Рублев. Говорят, Андрей Тарковский был в смятении: провинциальный артист, очень здорово наигрывает, не понимает, что такое кино. Но — фактура, лицо, глаза! А потом, Тарковского поразило отношение к делу. На вопрос, как же с театром, Толя сказал: уйд из театра, и все. Если играть такую роль, то ничем другим заниматься нельзя. Художник, который тогда всех утверждал, был против. Михаил Ромм говорил: Андрей, ты провалишь фильм, ты с ним кино не сделаешь. Но Андрей Арсеньевич проследил Толю сразу. Начал с самой главной, по-моему, сцены: это финал, когда уже отлит колокол, и Бориска, колокольных дел мастер, плачет, а Рублев утешает его, говорит:



Анатолий Солоницын и Александр Кайдановский в фильме Андрея Тарковского «Гамлет». 1979 год

газета

ведомый стalkerом

Анатолий (Отто) Алексеевич Солоницын родился 30 августа 1934 года в городе Богородске Горьковской (ныне Нижегородской) области. Окончил студию при Свердловском драматическом театре. Играл на сценах театров Свердловска, Новосибирска, Таллина, Минска, Ленинграда, в постановке «Гамлет» на сцене «Ленкома» в Москве (1977). Мировую известность и признание Анатолию Солоницыну принесли роли в фильмах Андрея Тарковского: «Андрей Рублев» (1966, вып. 1969), «Солнечный» (1972), «Зеркало» (1974), «Сталкер» (1979). Актер снимался у Глеба Панфилова («В огне брода нет», 1967), Алексея Германа («Проверка на дорогах», 1971, вып. 1985), Сергея Герасимова («Любимый человек», 1972), Никиты Михалкова

(«Свой среди чужих, чужой среди своих», 1974), Ларисы Шепитько («Восхождение», 1976), Александра Алова и Владимира Меньшова («Легенда о Тиле», 1978), Вадима Абдрашитова («Остановился поезд», 1982). В 1981 году Солоницын удостоился звания заслуженного артиста РСФСР, а также «Серебряного медведя» на Берлинском фестивале за лучшую мужскую роль — в картине «26 дней из жизни Достоевского» (реж. Александр Зархи). В июне 1982 года после тяжелой болезни скончался в Москве. Жизни и творчеству Анатолия Солоницына посвящена книга «Я всего лишь трубан», написанная его братом, Алексеем Алексеевичем Солоницыным (р. 1936) — писателем, кинорежиссером, автором документальных фильмов и прозаических произведений. Живет в Самаре.

что если он будет жить по законам этого мира, этих людей, то он станет убийцей. Горький Крот, которого пригласил Станиславский ставить «Гамлета» у себя в театре, точно так же понимал это. Трагедия Гамлета в том, что он переступил этот порог, входит в круг убийц. И ощущение происходит, только когда он умирает. Там был совершенно потрясающий финал. Сцена завалена трупами, все убиты, и вдруг Гамлет оживает, поднимается, глядит всех — и Лаэрта, и Клавдия, и Гертруду, и то, что он переступил этот порог, ему не надо больше думать о том, чтобы мстить... А критики обязательно ждали эффектных внешних придумок, которые были у Юрия Любимова, где из крупных канатов сплели занавес, который Высоцкий в ключах рвал. Я спрашивал у Толи, видел ли он это, а он отвечал: нет, видел, но не пошел, потому что, боюсь, это на меня повлияет. Володя — очень впечатлительный человек. И Тарковский мне задал вопрос: как Банинскому было тяжело это все — занавес, что был действующим лицом, все сметал, и Высоцкий с таким чудовищным театральным инстинктом, что правильное понимание сути актерского ремесла, сути творчества есть именно у Солоницына. С ним было работать очень легко, он, как губка, как ребенок впитывал все, что ему говорил режиссер, и тут же, импровизируя на площадке, воспроизводил. Один раз, два, три, действуй — сколько требовалось. Никогда не спорил, не лез со своими идеями, не доказывал до тех пор, пока не было сказано «зачем». А потом уже, в зрелые годы, у него были моноспектакли — «Фауст», «Слово о полку Игореве». Сам их ставил и делал это просто прекрасно.

Почему, на ваш взгляд, между режиссером Тарковым и актером Солоницыным сложились такое взаимопонимание? Андрей всегда замечал и в ките своей пьесы, что правильное понимание сути актерского ремесла, сути творчества есть именно у Солоницына. С ним было работать очень легко, он, как губка, как ребенок впитывал все, что ему говорил режиссер, и тут же, импровизируя на площадке, воспроизводил. Один раз, два, три, действуй — сколько требовалось. Никогда не спорил, не лез со своими идеями, не доказывал до тех пор, пока не было сказано «зачем». А потом уже, в зрелые годы, у него были моноспектакли — «Фауст», «Слово о полку Игореве». Сам их ставил и делал это просто прекрасно.

Почему, на ваш взгляд, между режиссером Тарковым и актером Солоницыным сложились такое взаимопонимание? Андрей всегда замечал и в ките своей пьесы, что правильное понимание сути актерского ремесла, сути творчества есть именно у Солоницына. С ним было работать очень легко, он, как губка, как ребенок впитывал все, что ему говорил режиссер, и тут же, импровизируя на площадке, воспроизводил. Один раз, два, три, действуй — сколько требовалось. Никогда не спорил, не лез со своими идеями, не доказывал до тех пор, пока не было сказано «зачем». А потом уже, в зрелые годы, у него были моноспектакли — «Фауст», «Слово о полку Игореве». Сам их ставил и делал это просто прекрасно.

Почему, на ваш взгляд, между режиссером Тарковым и актером Солоницыным сложились такое взаимопонимание? Андрей всегда замечал и в ките своей пьесы, что правильное понимание сути актерского ремесла, сути творчества есть именно у Солоницына. С ним было работать очень легко, он, как губка, как ребенок впитывал все, что ему говорил режиссер, и тут же, импровизируя на площадке, воспроизводил. Один раз, два, три, действуй — сколько требовалось. Никогда не спорил, не лез со своими идеями, не доказывал до тех пор, пока не было сказано «зачем». А потом уже, в зрелые годы, у него были моноспектакли — «Фауст», «Слово о полку Игореве». Сам их ставил и делал это просто прекрасно.

теньная — «Тот, кто получает пощечины», Сагальчик провозит Толю, поклялся. Он бросает квартиру в Новосибирске — а вроде обещался уж, и ребенок родится... — едет за режиссером в Таллинн. Постановки спектакля прекрасные, но в прошлый раз, это декадентщина, чуть ли не антисоветщина, что это чудно советскому театру. И едет смотреть этот спектакль Юрий Зубков — а тогда это был суверенитет, партийный критик, который рвал все. Арсений Сагальчик переживает, что спектакль закрыт. А Толя говорит: усталихон. Приходит в театр — и с ним сердечный приступ. Зубков уезжает в Москву. Режиссер вспоминает: «Приезжаю в гости к нему — там Толя сидит, и стоишь рядом. Ну как, говорит, я сыграл Давыда отщепенца». Арсений на самом деле поверил, что ему плохо, и врачи поверили... Один эпизод в высшей степени драматичен. Толя был в одной из постановок эффектная сцена, которая всегда сопровождалась овациями. И Толя сказал: Арсений, надо что-то сделать, эти аплодисменты меня выбивают из колеи, мешают играть дальше. Наши актеры всегда рвутся за аплодисментами — а ему они мешали.

Тарковский ему говорил всегда: «Если бы у меня была возможность, я бы никому тебя не отдавал, нигде бы ты не снимался, кроме как у меня». Но Тарковский простоял долго. Хотя замыслил были грандиозные: «Идиота» хотел поставить — это была бы гениальная работа. Настасья Филипповна — Терехова, князь Мышкин — Кайдановский. А Толя должен был быть Достоевским, который рассказывает эту историю и наблюдает ее. И Толя говорил: Андрей, я мало похож на Достоевского, я сделаю психотомическую операцию. Тарковский укачал, стоишь уша сошла, карды тыл, то будешь с лицом Достоевского этого роли играть? Толя усмехается: а зачем играть другие роли, если и сыграл Достоевского?

Ну потом он у Зархи снялся в роли Достоевского (в картине «26 дней из жизни Достоевского» (реж. Александр Зархи)). Фильм посвященный, но роль замечательная. Он получил «Серебряного медведя» на Берлинском фестивале за лучшую мужскую роль, и этот медведь у него на столе стоит, хотя получил за него приз Зархи, так что ни в какой Берлин он не ездил. Ближе родни у меня не было никого. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, а к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он прекрасно все понимал. Но окружавшим его людям и врачам было тяжело. Он не хотел ходить. А это был как легкий метастазис в позвоночнике. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсестру, все уходы научился делать сам... Тарковский написал для Толи «Ностальгию», они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел проститься. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили